

К чему бы всё это? О побуждении к произнесению слов перед образом Божьим.

Лестница святого Иоанна Лествичника. Икона XII в. монастырь святой Екатерины на Синае.

Казалось бы... или по существу – так: всё уже высказано прежде нас, куда как более проникновенно, талантливо на грани гениальности или уже за гранью её... за гранью возможной к выражению словом, соизмеримому с образотворчеством в иконе. Уже так давно и так чисто – произнесены слова об иконе... выпущены от полноты сердец устами святых слова эти, приняты в молитвенное предстояние Христу Богоспасаемой церкви... закреплено в намоленных текстах, словно бы в путеводных огнях среди бурного и бесцельного, безобразного или внеобразного бытия... предложено к восприятию, разумению, усвоению, творческому претворению в жизнь бrenную на пути к Жизни Вечной.

О чём это? Об образе Божьем в человеке, об образе Бога непреступного, неявного, о непознаваемом Первообразе... о Первообразе, чудесно проявляющем Себя... о Первообразе, чаемом и стяжаемом в человеческом образотворении... образотворчестве. Не в том ли подобие человека Творцу своему, в заданной способности к уподоблению Первообразу, в искомом и отыскиваемом подобии Богу, в стяжании образом Божиим в человеке – истинного Подобия своего, Истины Христа. Ищем образ – и не можем распознать его... чаем подобия – и нет сил, даже сохранить в себе самого желания, жажды, чаяния – сил нет... не в нас они, эти силы.

К чему бы всё это? – мучительное заблуждение в поиске образа Господнего, Красоты или благодатного ужаса и страха Господнего - к испепелению греховных помрачений. Приди и виждь... но оступлен шаг, заблудны пути... помрачён взор. Не иду... и не могу смотреть, не умею... Господи, очисти! Уясни!

Казалось бы, всё уже высказано... А я всё ищу слов перед видимым образом, перед чистотой иконы, тормозящей, влекущей... побуждающей не к словам. Слова это – так, всегда попутно. От невоздержанности, от некоего несносного зуда в груди перед видимым. Это ли даёт о себе знать та самая сердечная полнота, в которой возможно зародиться слову и от которой дозволенно не ложно изрекать устам.

Слова об образе, куда более полновесные, насыщенные личным опытом живого Богообщения – высказаны преподобным отцом нашим Иоанном Дамаскиным. И выскажешь ли от своего неведения, от личной неопытности, от помрачения духовного – выявишь ли словом полнее, свежее, актуальнее что ли, чем выразил и записал преподобный Иоанн об иконе. Выскажешь ли хоть бы звук один, согласный созвучиям смыслов, изреченных святым. Пусть высказанное будет лишь повторением к личному уяснению перед образом... Пусть высказанное слово будет от внезапной, совсем уж мимолётной и неудержанной полноты, вскипевшей во глубине сердечной перед образом. И – просится эта внезапная полнота – излиться словом, пусть бы и безблагодатным, - просится излиться. И пусть одни только перепевы хорошо известного – звучат в словах выскользающих, струящихся в текст. О существе образа и Первообраза, о допустимости художественного изображения, как извода Первообраза, о благочестии в почитании образа... об изобразимости неизобразимого по существу, о возможном проявлении святости в изображённом образе... о проявлении Первообраза в твари... о Богоданном свойстве человека изображать и творчески выявлять, запечатлевать личный духовный опыт... о существе Славы Господней, запечатлённой в иконе и традиции отношения человека со Славой Господней, изображённой, о преемственном благочестивом

обыкновении в почитании образа... о мембране иконы, посредничающей в чаемом Богообщении. О наследственном в церкви, передаваемом опыте такового общения, либо же о восстановлении его, как о возвращении в Рай. Всё – перепевы известных слов... перепевы немощные, неполнозвучные.

Казалось бы, всё высказано уже... Запечатлены и выставлены на книжных полках огненные слова Паламы о познаваемости Бога по неизреченной Его благодати, по Его милости неиссякающей и невместимой... Запечатлён словом опыт Богопознания – и торжествует образ, как свидетель, соучастник его... как печать запечатлившая огненные языки пламенной кисти, насыщенной светом Богоявления. Изрек Палама и - засвидетельствован Бог в Его проявлении. И – торжествует образ, триумфально шествуя и возводя нас в литургию, ко Христу. Изрёк Палама... и - к чему иные свидетельства от личного вне-опытного неразумия.

К чему бы всё... И само воскишение чувств пред образом в сердечных глубинах – к чему теперь с этими словами, не наполненными, бряцающими, звенящими медно. Спокойно и величаво являл образ евангелист Лука... Просто – являл в умилении перед Первообразом. Умиление – как личная преисполненность милостью – елеем благодати Господней - истекало и раскрывалось образом живописанным. Лука созерцал Богоматерь, слышал и видел Её, бытийствовал с Нею, живописуя «с натуры», с живого естества Богородицы творчески воссоздавал Её образ... и спокойно проходил своё земное существование вблизи, в созерцательной и ощутительной доступности к Ней... Нам ли помышлять о том... А он, созерцающий, свидетельствующий образотворением – шествовал далее, запечатлев себя Её образом, выявив это запечатление... сохранив его в раскрытом изображении... и – шествовал к личному распятию... к личному вознесению на древе оливы. Так, запечатлённый образом, запечатливший образ от полноты сердечной в слове и в изображении – будет вознесён Лука на личное крестное древо, к Небу, ко Христу своему, как спелый земной плод... Плод, пропустивший сквозь естество своё непосредственное видение Христа, Богоматери, братьев – апостолов... запечатлевший и напитавший себя этим дарованным ему видением... Выражено и запечатлено в образе святым Лукой то и Тот, Кто видим был им, уведан по благодати ведения. Лука запечатлевает личное ведение, свидетельствуя о нём... и шествует на Крестное древо.

К чему бы... О вне-образии ли стонал Божий раб Феодор в теснинах моего Петербурга. Рыдал и кровоточил словом о мучении, страдании твари вне Христа, вне Рая, вне образа его... неужели - в удалении от милости Господней – действительно стонал так, словно бы уподобляясь Иову на гноище имперской столицы. Плакал Феодор о милости Господней, о нестерпимой боли падений на заблудном пути ко Христу, о почти явном прозрении Его сквозь пелену на очах незрячего сердца. Так рыдая словом – брёл Феодор лествицею рукописанных страниц ко Христу вочеловечившемуся.

К чему – эти усилия вторить образу, отзываться ему словом, не воздерживать в себе радости, восстающей от встречи с ним. Не единое ли достойно – излить эту радость, эту теплоту словом искренней молитвы, благоговейной благодарности. Слово исходящее слишком просто, слишком немощно, растворяется в потоке сопутствующих, часто и посторонних эмоции, образ искажается в нём отражающей поверхностью грубой души, не согретой, не оваянной пробудившимся духом, самым помрачением произносящего – меня

– изменяет образ в отражении словом. Истинное и чистое образотворчество совсем не вторично, хоть и не самодеятельно. Должна ли греховная человеческая самость главенствовать, либо запечатлевать себя в творении этих словесных отражений образа. Великий преподобный Андрей... образ перед ним - предъявленный к созерцательной молитве чужой, но не чуждый духовный опыт в иконном запечатлении. Образ, произведённый святым Андреем уже не вполне от него, но, скорее, через него. Как возможно это – совершенно не ведомо мне. Угадываю лишь на ощупь, по свидетельству жития преподобного. Вот он - берёт кисть к изъяснению образа... дерзает вознести язык огненный, пламенеющий цветом - к роскрыши образа из глубин личного смирения, самоумаления, самопреодоления в деятельном уподоблении Богу. Прежде творения образа – личное изменение человеческого естества до принятия ангельского чина во Христе. Преподобие, творящее образ, пожалуй, предел благоволения Божьего к человеческому творчеству, вершина художественного проявления в человеке сил Господних. Во глубинах умаления греха возвеличивается человек и умалется его самость без унижения образа Божьего... Умаление образа было бы хулой на замысел Господа о твари Его.

Возвеличивание образа над Первообразом, удаление от Первообраза – хула погибельная с иной стороны... Но в образотворении умалется самость – так умалает Себя Господь в кеносисе вочеловечивания, распятия Божества... Так высвобождается усилием человеческих рук, деятельной души, пробуждаемого духа - пространство встречи в человеческом естестве. В очищенную пустоту, будто бы в прибранный дом, норovit проникнуть и дух нечистый, когда не внидет Господь... и медлит, выверяет, укрепляет наше желание, нашу жажду. Вот - уже скрипит озлобленным стоном дверь, отворяемая извне... противником Божьим, врагом человеков, моим врагом... В силах ли воспротивиться нежданному, незваному гостю, о котором предуведомлен, предостережён... в силах ли хоть на миг своими трудами охранить чистоту прибранного дома, свою чистоту... И так ли уж верно, что не зван этот чуждый гость из потаённых углов нашего естества... и так ли уж чужд он естеству огреховленному во мне. И сохранить бы, охранить в зыбкой чистоте эти выметенные пустоты к чаемой встрече... но это уже не предмет, не плод моих усилий и не воздаяние по каким-то заслугам. Но лишь в очищенную, действительно, почти уж смертную домовину мою силен и может войти Господь... Так ли? Неужто грехом своим отсечён навсегда, смертно. Всё бы так, если бы ни милость Господняя, необъяснимая, неоправданная, несправедливая ко мне, к помрачённому образу – милость... Или не волен ли Дух дышать, где пожелает того Сам? Но нам – желать чистоты, мучиться нечистотою, недостойнством тесного пространства чаемой встречи. А Ожидаемый не войдёт никак. Медлит, взирая на наше мучение... на измельчание духа, на помутнение души, осквернение тела, на иссякание жажды встретить Его... Зачем же медлит Он? Из этой ли тоски о Невошедшем Его творить образ? Или же достойно, истинно будет это творение лишь как свидетельство встречи совершившейся, опалившей. Тогда, фантазируем не по разуму, не по опыту! - образ будет словно бы платом на лице Моисея – Боговидца, платом, посредничающим меж сиянием нашей опалённой радости на грани внешнего, возлюбленного мира... Из воспламенения встречей вспыхивает образ пронзительный, пронзающий, проникновенный... И стонет о нём, не обретает его помрачённая тварь. Так зачем же, к чему слово это перед образом

совершенным, перед образом – кустом пылающим и палящим... перед образом, запечатлённым в иконе, предъявленной к молитве.

Неужто же действительная мотивация к произнесению слов – всего лишь некий гордынный зуд возбешения немощи перед величием, тусклой мрачности греха перед великолепием совершенства... зуд, проявляющий себя в тайной склонности к учительству, надмению словами от собственного напряжённого и воспалённого отчаяния и несовершенства. Неужели возомним о себе, как о взошедшем на некую ступень, степень Лествицы, с которой возможно произнести личное «et orbis» за миг един до падения. И Синайский образ норовим держать перед собой, опасаясь восшествия, не решаясь к нему, не распознавая зова и самого чаяния искреннего не зная в себе... От подножия «лествицы» и падать некуда – распластан по земле, смешан с перстной скуделью, вмещён в утробу горы перед тем, как совершенно уж раствориться в ней, исчезнуть, иссякнуть блеском глаз, дыханием частым. И взошедшего, и приблизившего себя, приближенного Господом - окликает евангельское: «блюдитесь, яко опасно...» и понуждает к восшествию «испытайте...»! Недвижимым, неопытным, неосторожным без дерзновения – тлею внизу. Оправданием ли этому тлению, нерадению, лени, нерешительности – слово об образе... слово перед образом, доступным к видению теперь повсюду. Как слово Христа слышимо всеми и везде... И – действительно же - оправдываю лень, тем, что как бы не слышны зовы, благословения... а то что слышимо и восчувствовано – не прелесть ли ко мне в погибель... Будто бы не достаточно слова Господнего... Недоверчив ли к Евангелию или к себе в рассуждении о нём... Упокоиваю себя в бездеятельности – и, неподвижный, долго и многословно сужу об образе Господнем, весь – вне образа этого. Или так ещё оправдаю себя: слышим Зовущий, но не избирает Он к движению в след Его. Опасаешься мечтательных фантазий... и не решаешься к во-образительному духоводству... к мистагогии образом. Из этого ли надуманного неизбранничества – вопием об иконе Бога и о символе, распознаваемом издалека.

Но даже издалека - влечёт, побуждает образ. Теряем сон и саму сонливость перед ним, непробудные, вялые, силится отряхнуть собственную дряхлость, как пыль чуждых дорог, прилипшую к ногам... и не можем сами омыть их... Образ – вопиет к нашему доверчивому вниманию, к нашей потаённой восприимчивости, взывает к отзывчивости... Или так враг Божий – ловко отвращает нас от Самого Христа, увлекая изображением, привлекая к посредничающей грани красоты, возвеличивает саму эту грань, наделяя её некоей самостоятельной ценностью в мутных и злых его глазах, делая неким предметом искусства на последней грани между Первообразом и мной... усиливается отвлечь, увлечь, оплести собою в кокон забвения о Едином на потребу. Изрекаем – слова об образе Божьем от немощи противиться... противостоять... И не Сам ли Господь – удержит от почитания твари паче Него, если возопием о том. Но не отвратим взора от образа и продолжим речения в окружающую пустоту. Господь слышит наши стенания, - помыслим ли иначе, если чувствуем так. Слышит и медлит ответить нашему недостоинству. Быть может, ответит в лицо нам, когда предстанем по завершении пути перед Его ликом, страшным и милостивым. С этим упованием – продолжаю стенать, стучать сердечно у дверей затворённых, на которых начертан и раскрыт образ Божий.

Образ взывает к нам... или Господь доверяет глагол образу, привлекая к Себе нашу неразумную, нерешительную немощь. Что в этом зове предназначено именно для

меня... О том вымолил ведение и опытно высказал его святой Дамаскин. А мы... я, грешный, вне опыта, от неведения своего – вновь и вновь умножаю, нагромождаю слова об образе. А они всё вокруг, да не о том, пока сам произносящий слова ещё не уловлен на Живца – Спасителя, не извлечён из омута к Жизни Вечной... не погружён в Неё, хоть бы на миг един, в созерцание Света, в простор и пространство действительной чистоты Богообщения, восстановленного, восставленного, водружённого, словно Крест. Ведение Бога может наполнить слово и – оживёт оно. Помышляю о том из неведения непролазного. И вновь умножаю мёртвые слова. Вдохнёт ли Господь дыхание в них, оживит ли, как зёрна... как пустынные камни... или же отворачивается от них, отбросив ко внешней тьме эту соль, утратившую силы, да и не имевшую их...

Но – умножаем, нагромождаем слова перед образом Господним. Дерзаем ли теперь, пристально вглядываясь в образ, говорить о том, что помышляем верно в суждениях о посредничестве образа и символа между Богом и человеком. Не в нашей мере сил и разумения вознести само вопрошание о том, замыслен ли образ, как посредник. Озадачив себя таковым недоумением – опять мечемся меж иконоборческим эстетством, как допустимым и рукопожатным в миру способом отношения к образу – и неистовым Богоискательством твари - человека, чающего откровения перед образом... твари, доводящей себя в этом неумном чаянии до идолопоклонства перед изображением. Итак – отстранённое любование и самоусладительные научные рассуждения перед иконой с одной стороны образа... Кумиротворение и соблазн – со стороны другой. Истина на срединном, Царском, выверенном, Богооткровенном пути равного удаления - от любования красотой, от обожения её вместо Бога... удаления - от совершенного отрицания образа, как тайноводителя, мистагога, от притяжения красоты лишь как предмета любования, отстранённого от нас лично. Именно этот путь – благостен и благодатен, и благочестив, на нём – выверено отношение человека со Славой Господней, проявленной в образе. На этом пути – торжествует Православие Великим постом, сугубым и соборным напряжённым движением Церкви к Пасхе превечной, к личному сердечному воскресению Христа в абсолютной темноте душевного склепа. На этом пути – действительно и огненно сияет неопалимо жгущий образ, являющий Славу Божью в меру наших сил и дарований нам её воспринять... К нему – простираем слова, умножая их... А они всё не о том, всё не так и не те... И самому бы теперь устоять на пути, не увлечься собственным словом, как слепым поводырём. Войти вживую в торжество, прикоснуться к нему, удержаться в нём, пусть бы и смолкнув совсем, освободившись от мучительных... мучающих слов, быть может, совершенно уже не выпуская их, – удержать их в себе и самому – удержаться в торжестве о Господе... Хоть на миг – удержаться. Бог – в помощь... и образ Его - перед нами... в нас... неужели же и во мне, безобразном, произносящим слова.

Кто же там, так хлипко, отзывается в домовине сердечной, стучится, словно слепой цыплёныш розовым клювом в непрозрачную оболочку вокруг... Тонкая скорлупа ещё не податлива нашим усилиям одолеть её. Погибнем внутри нерождённым плодом... или вынырнем наружу к иной гибели, неготовые встретиться с окружающим... Если бы так, только так – прекратилась бы жизнь, совсем прекратилась. Медлит Господь, Сам выверяет меру благовремениа Своего. Но что это, если не образ Его в нас – отзывчив или хочет быть таковым и спит внутри, улыбаясь порой неведомому, распознаваемому гадательно. Образ, будто заданный от сотворения внутренний плод нашего естества,

зерно, ждущее прорастания в нас, во мне – возмужания, восхождения к Богу. Внутреннее, тёплое и младенчески трепетное биение жизни... - таков ли образ, его ли следует и надлежит уберечь, утаить и сохранить нам к утверждению, укреплению, облачению во Христа, пре-ображению во Христе. И не помышляю о плодах, непробудный. Дозволил себе помыслить о во-ображении, взаимном приникании, сочетании образов к предстоянию во Христе и перед Ним. Вот – привлёк однажды этот надуманный термин, предложил его к восприятию, описанию происходящего на уровне слишком уж тонком и, быть может, весьма соблазнительном. Но не удовлетворюсь и термином этим, приближенным к тому, чтобы описать, но не подменить собою. Что есть слово без живого, взаимно проникновенного, деятельного, опытного прикосновения ко Христу. Слово изреченное – истаивает, блеснув нашему разуму своим доверительным, жарким смыслом... исчезает неведомо куда, выпархивая воробьём. И лишь Господь – остаётся, вникнув к нам, помимо и вне зависимости от выскользнувших или утаённый слов, вне зависимости от их пульсирующего блеска или тусклого трепетания – остаётся. Он – входит Причастием Таин в мою опустошённость, живоносной, иноприродной милостью – проникает в мой грех. Но прежде вхождения, проникновения прежде – слово... Как таинственное «бе» в начале начал. Слово – вызывает, блещет прикровенными смыслами, манит... находит отзвук, словно бы пробуждённое эхо. и – входит в отозвавшуюся пустоту сердечной домовины. И дальше вникает в нас, глубже внутрь человеческого естества, растворяется в нём, насыщает, изменяет его, не устаёт вызывать к нам... Это ли слово произнесено образом или зародилось и воистину существует вне его... Слово неясными смыслами притчи, возникшей из обыденных обстоятельств... слово простого сочувственного вздыхания... Вера – от слышания... и слову слышимому – откликается образ, просыпающийся в нашем естестве... или Христос, проникший в составы и во утробу... Христос, как живой и тёплый образ в нас от сотворения человека, от нашего проникновения в жизнь. Так изнутри нашего естества Сам Господь – усиливается встретить Свой образ и стучит, зовёт к нашему воскресению...

Всё не о том и не так, ибо не знаю ничего и помрачён, немощен к прозрению. Быть может, вовсе не произносить слов там, где достаточно затепленной и вознесённой свечи перед образом... где достаточно искреннего и живого, благоговейного касания уст и земного поклона с крестным знаменем. Таковы внешние признаки искренней жажды, благодарности о её утолении хоть на миг. Внешние признаки, усвоенные благочестивым обыкновением церкви, переданы традицией почитания образа, приняты к продолжению, естественному наследованию. И простое слово молитвы прилично, естественно в таковой приближенности к иконе... молитвы, как отзвуха из глубины, наполняющейся Христом. Эта глубина, раскрывающая уста молитвословным изливанием души – прилична и естественна, не осквернит... и да не разрешится она молитвой во грех, в погибель. Выговариваем теплоту, подступающую к области сердечной вблизи образа, если не остаёмся безучастными. Выговариваем молитву, как жажду из глубины нечувствия каменного, когда остаёмся в нём перед образом, откровенным перед нами. Слово произнесено и значит не угас ещё фитилёк лампы, ещё теплится образ внутри, теплится жизнь сокровенная, не прекратилась, не иссякла надежда и упование не оставляет нашу... мою - опустошённость. Неужели же эта теплота перед образом, эта отзывчивость внутри – есть плод и следствие горячего помрачения и соблазна, ибо в беззакониях зачат и во грехе рождён... Но слово избыточное, неудержимое вблизи образа – не есть ли признак

пустоты, бряцающего кимвала в моём сердце, не есть ли попытка оправдания и самовозвеличивания, самоизведения из трясины, опустошённой от Христа... попытка прильнуть к чистоте нечистотою своей, легко успокоившись поспешным и незрелым словом в своей несообразности. Слово склонно к оправданию оставленной пустоты. От полноты сердечной – произнесено и опустошило сердце, душу, выскользнув куда-то, исчезнув... и не наполнить ничем зияющую каверну.

Возможно ли вообще искренне, честно помышлять об образе и не говорить о личном, устранившись в некую страну далече, вглядываясь в него из этой отстранённости, именуя её оправдательно «взором научным»... наученным кем же... а безучастное рассматривание взглядом «учёного» человека. Представляется, что порочен такой взгляд, если он заглушает пронзительный вопль Первообраза, прорывающийся через икону... или Его проникновенную тишину, струящуюся к нам. Вопиет в глубину твою Бог... струится милостью... а ты заслоняешься разумением, отскакивая в научную башню и рассматриваешь в скважину Того, Кто силится проникнуть в твою глубину Своей Любовью... но не в силах отвергнуть свободы, дарованной тебе Им же. И ты – изучаешь Любовь и всматриваешься в неё, охлаждаешь свой взор, стыдишься и не позволяешь личного воспламенения перед образом... И удовлетворяешь себя отстранённым, охлаждённым суждением, выискивая подобных себе, сплываешься с ними, поощряешь их, а они тебя... отстранённые, красноречивые, высокие холодным словом... удалившие себя от Любви, стыдящиеся Её – изрекаете... И нагромождаемы груды и груды слов перед образом Бога, не откровенничая о личном, как о недостойном и профанном суждении, чуждом «науке». Но не будет ли таковое отстранённое от образа суждение о нём, научное мнение, облечённое высоким словом – явлением нечестия на грани хулы и уже за гранью иконоборчества. Господь вызывает к любви Любовью Своей, являет Себя в меру нашей возможности воспринять Его, расширяет и умножает образом эту восприимчивость, как естественное свойство Его образа, свойство бытийствующее в нашем естестве... свойство, в котором сотворены и которым обретаем свою полноту и Цель в стяжании Его, в уподоблении Ему... Вместо этой Небесной Цели, вне, пусть бы и недостойных, помышлений о восприятии Бога, вызывающего к нам, – упокоение в эстетических измышлениях, погребение в нагромождении слов, иссушенных холодными ветрами внеблагодатных, самовольных, самооскоплённых от Христа суждений об образе, о распознаваемых смыслах в символе... Да не будет сего со мной, во мне, от меня. Не к тому открывает... при-открывает Себя Господь через образ, явленный человеком, чтобы нам... чтобы мне, - любоваться от стороны, оставляя себя свободным, не зависимым от него. Это Твоё, Господи, - возьми эти слова, произливающиеся от меня, возьми их, как дар мой – Тебе... но меня самого не тронь! Прими мой искренний, обрадованный Тобою дар, преподнесённый Тебе от моего устранения. Но меня самого не тронь! Изыди из меня, изыми Свой образ прочь... не приближайся с ним... - таков извечный глас Каина. И не будет это приношение слов принятым, как жертва не угодная, не чистая, скверная... Не пожранное Богом съедим сами с подобными мне, прежде покушения на убийство живого и чуждого образа Господнего в брате своём... Умножаются и повторяются дела каиновы... и в виду образа Божьего – приносят свои плоды... и вновь отвергает их Бог... и едят эти туки произнесённых и не принятых слов со своими, ближними в удалении от Христа. Да не будет сего со мною, не приведи, Господи! Сам – возьми это слово, вспыхнувшее из неведомой мне глуби. Возьми, как дар, если хочешь – со мною вместе -

возьми. А если пожелаешь – даруй Себя, чтобы умолкнуть мне совсем. На высоте Твоих даров нужны ли ещё слова о них... Апостол на горе Преображения рассматривает ли белизну небывалую Твоих одежд... - падает, вопия, на землю, сражённый видимым, открывшимся внезапно. Так – силен Господь открыть Себя в образе. Силен – и медлит, снисходя к нашей немощи воспринять и понести увяданное. Вот – сидим у подножия горы, не оглаголаные Тобой... изрекаем слова перед образом, отвращая взоры от шествующих перед нами... пред-шествующих нам, от восходящих лестницей, от низвергаемых с её ступеней... сами недвижимы – говорим о шествии перед образом, словно уже приблизились как-то к нему... Уготапливает ли, укрепляет ли нас так Бог наш Своим промедлением, в котором нет нерешительности, но жалость к нашему помрачению и неспособности воспринять Его. Бережлива жалость к Его к нашей, моей, - дарованной Им воле, метущейся всё вокруг, да вне... воле, изрыгающей слова от собственного своего помрачения, столь несносного в виду образа... Пусть же слово перед иконой и в виду иконы будет уподоблено младенческому лепету о милости Твоей, которую смогу принять, впитать хоть бы малой каплей к продолжающейся жизни, растущей в неведомое... к Неведомому - Тебе.

Не ведаю Тебя... и принимая во причащении – не ведаю, ибо мрачен сам и нечувствителен, окамененно сердце, безобразен, словно бы уже мертвец. Но образ предо мною, Твой – образ, тот же, что хочет высвободиться от пут сна и во мне самом, хочет воспрянуть ко встрече с Тобой. Образ – преподнесён, очищенный от наростов чуждой записи, о потемневших олиф... от брони оклада, - распахнут моему невежеству, обнажён и к почитанию... и к поруганию. Но не поругаем Господь, обнаживший Свой образ перед моим нечестием и помрачённостью моей. Это ли Господь так преподносит Свой образ непрестанно поновляя его, как призыв, как воспоминание опыта живой связи с Ним, ощутимой преимственности в Богообщении, нашего взаимного ведения друг о друге и о Нём. Не утрачен Бог в общительной, таинственной, сокровенной связи. Как от самого воплощения – входит в каждого Евхаристией... и в осуждение – входит, и во исцеление – вникает в составы, утробу, в сердечную преисподню... Нашей, моей невосприимчивости, по одному только слабому и невнятному зову – откликается Бог – и входит, вникает весь Он. Да не отвергну, даже и не узнав Его восшествия. К узнаванию ли? к оживлению? - образ, если Господь только Сам, непосредованно ничем и никем - силен пробудить, проникая в наш глубокий, смертный сон... пробудить пламенно. Жалея нас, помрачение и сухость отцветающего цвета сельного в нас охраняя от испепеления до времени... - не Лично - восстаёт пламенный Бог, но образу доверяет нас – к пробуждению искры в человеческом естестве, к изведению пламени изнутри нашего нетерпения, из моего нечестия – как стопа перед чистотою, как всполоха Его, проясняющегося во мне... проясняющего меня.

Образ восстаёт передо мною не к рассуждению о нём, но сияет признаком славы Господней, милостиво не опаляющей нас... но сияющей уяснить моё помрачение, образумить моё невежество, впечатлитель мою невосприимчивость... Так преподаёт Господь пусть не Себя, но опыт общения с человеком в спасительной Церкви Божьей. Сам Господь таинственно – преподаёт Свой образ, как традицию общения к восприятию нами, к бережному сохранению, чуткому несению в себе и осторожной передаче тем кто наследует нам, следует за нами след в след наш за Ним... к Нему. Символ, прозрачный к

распознаванию, к проникновению в него, вместе с ним, путеводящим, наставляющим - предложен к уяснению нас, к выявлению перед нами спасительных и отрезвляющих смыслов. Уяснить их, уяснить себя ими совсем не значит выговорить в словах это уяснение... не значит опустошить себя словом про-изнесённым. Изошедшее слово значит не более того, что полнота сердечная опустошена с его исходом. Так размётанными горящими углями исчезает костёр... Понимая это и на самой грани желаемого пламени – не молчим теперь, не ведая огня, но слишком хорошо зная холод золы, маркой пыли былого зарева, которого уже не воскресить... но волен, может Господь и соли обессилившей вернуть силы, дабы не вышвырнуть её, боле негодную, прочь от Себя.

Нагромождаю слова перед образом, словно бы башню строю... одинокий вавилонский строитель, из тех, что рассеяны по лицу земли, удалены один от другого... не безумствуют более в общем борении, но мечутся поодиночке, всё врозь. Не помышляю выстроить до небес и превысить небо, не мыслю и подпереть этот высокий свод над головой моей... И – нагромождаю слова... да не отвергнет их Милостивый. Страшно эстетствовать перед символом, довольствоваться распознаванием смыслов и не пояданием, не вкушением их. Страшно успокоить, удовлетворить себя распознанным значением символа, не проникая в него, оставаясь лишь в отдалении. Жутко - увидеть дверь, толкнуть её, постучав... и отскочить в сторону от внезапно раскрывающегося чертога, уготовленного к брачному пиру. Уяснить себя воспринятым смыслом – и оскотиться в этом уяснении, отделиться от личной близости, личного проникновения, приникания... лучше бы тогда и не знать о Нём. Зачем толкать, стучаться в дверь, если шествия в неё сторонисься, остерегаешься... если готов лишь к тому, чтобы бродить вовне, поглядывая украдкой внутрь, пока не затворили... Стучите и отворят... просите – и дастся... И отворяется уже, Рука Дающего изобильна... и убегаем прочь, источая слова... перед образом Господним.

Убегаем, как прежде, помрачённые, рыдая... стенаем, шаткие на заблудном пути. И тут... вновь Божий раб Феодор, присядет рядом с нами на камешек, упавший с камня... некогда великого города... присядет поплакать вместе. И уже не надо слов об утраченном, приоткрывшемся в образе – и утерянном вновь... Тут – петербург или америка – всё тот свет, и не во Свете Истины он. Будет ли этот плач к вытрезвлению, к осознанию сна – сном глубоким, неисцельным, из которого вопием... да что там, - плачем тихо так с Феодором. Повлекут ли эти слёзы к возвращению вспять, омоют ли грех во мне, в котором не могу согреться, вернуться и даже взглянуть на образ... Писания Иоанна оправдают возвратный путь, ободрят издалека времён, будто бы произнесены только что, нашептаны на ухо, провозглашены по немой округе - напутствуют к этому пути... высветлят его нашему помрачению... И вновь станет свидетельствовать святой Григорий, лично мне, нам – свидетельствовать о Свете, Истине на возвратном на ощупь шествии. И образ – только оглянись, взгляни на него - вновь торжествует о Воскресении Бога... так торжествует Православие, дышащее иконой, как Славой Господней, преподнесённой нам, передаваемой в наши руки... и – влагаю персты любопытной десницы во глубину нестерпимую преподнесённой Славы... и Слава – вникает в темноту моего сердца, невозможно далёкого от Христа.

К чему бы всё это... переиначить бы заглавие, как приговор себе самому... и оставить лишь самое личное, интимное, сокровенное лепетание слабого текста, словно

звуки шуршания вороха опавшей листвы слов и отзвука вопрошений, взываний...
молитвенных вздохов – к Нему.